

– А мне Люся больше нравится. – Хорошо. Люся, так Люся. Закипел чайник, Люся. Ответного разрешения говорить мне «Ваня» я ей не дал, да она, скорее всего его и не ждала. И все же такое вот неравноправное обращение друг к другу не помешало нам наслаждаться горячим чаем и болтать сначала о работе, потом вообще обо всем на свете. Люся (буду ее называть теперь так для краткости) оказалась интересным собеседником: начитанная, азартная, остро и быстро реагирующая на мои аргументы, приводящая разумные доводы в подтверждение своих мыслей, доброжелательная по отношению к окружающему миру, но твердая в убеждениях... Внезапно, прервав себя на полуслове, она спохватилась: – Ой, у меня же в номере еще шоколадка осталась! Сейчас принесу. Подхватила, выскочила, и скоро вернулась с большой «Аленкой». – Двенадцать. Я взглянул на часы, поправил: – Без четверти на моих. – Нет, я о температуре в номере. Двенадцать градусов, и батарея совсем холодная. – М–да... Так вы к утру вообще к простыням примерзнете! – Да уж... Чуть было не ляпнул, мол, давайте номерами поменяемся, но вовремя спохватился: это было бы уж совсем чересчур! Джентльменство джентльменством, но я в первую очередь для нее суровый шеф, и такое мое предложение неуместно. Вместо этого я брякнул еще большую глупость: – Оставайтесь. Люся вытаращила глаза: – Что–о–о? Но меня уже понесло: – Оставайтесь. Кресло раскладывается, номер у меня двухместный вообще–то, так что подушек и одеял хватит. И ляпнул совсем уж ерунду: – Обещаю не приставать. Конечно же, предложение мое в Люсиных глазах выглядело ну очень уж скабресным. И все же она, видимо, сообразила, что если у нее в номере в двенадцать ночи – двенадцать градусов, то при минус двадцати пяти на улице, при ветре в окно и при холодной батарее к утру ее придется от простыней ледорубом отковыривать. Эти колебания мне удалось прочитать на лице женщины, но мыслей о том, что она решит остаться на ночь со мной, я не допускал. И отлично: вежливость я проявил, она отказалась, и ее будущее воспаление легких – не моя вина. Ошибся. – Мне очень неудобно, Иван Егорович... Но я и правда не смогу переночевать там. Я и так уже надела на себя всё, что можно, а пока шоколадку в сумке искала, замерзла совсем. Только... – Что – только? Ну, я повторяю: приставать на буду, рассказывать кому–то – тем более. Слово даю. – Ну... хорошо... Я только схожу еще раз, заберу кое–что. – Да, конечно. Она опять ушла, а я принялся материть себя за длинный язык. Вслух! Ругаясь, я разобрал свою постель на широченной двухспальной кровати, разложил кресло, достал полотенца–простыни–подушки–одеяла для гостя, сложил стопочкой. Ну, и нах... в смысле – какого дьявола я устроил всё это? Ясно ведь, что в любом случае я окажусь в идиотской ситуации: не попытаюсь затащить к себе под одеяло сисястую бабу, ночуя с ней в одном номере – куры меня, как говорится, засмеют. Или загребут. Или как там эта чертова пословица? То есть, поговорка. Или присказка... Тьху! А начни я домогаться ее – другая беда: нарушение данного мною честного слова; шумный скандал в случае неуспеха, или совершенно непредсказуемые последствия, если все же в конце концов я свой конец в нее засуну. Вместе со словами «сисястая баба» и «засуну конец» пришло осознание того, что засунуть в сисястую бабу конец мне хочется. И конец мой это желание подтвердил: вполне явственно начал шевелиться. Люся принесла какие–то свои вещи – я даже не посмотрел. Разложила что–то на полочках в шкафу, в тумбочке, в ванной на полочке над раковиной. – Иван Егорович, вы ложитесь, а я пока постелю себе. – Ну да. Я

сначала в душ. Принимая неспешно душ, я размышлял, но уже не над тем, быть или не быть сегодня сексу, а над тем, как к этому прийти так, чтобы и овцы сыты, и волки целы, и пастуха не сожрали. «Приставать» нельзя, я обещал. Значит, нужно сделать так, чтобы «приставать» начала она. То есть, нужно спровоцировать её, но так тонко, чтобы в случае неудачи с полной уверенностью можно было заявить, что ей показалось. Хотя неудачи быть никак не должно! Для начала я вышел из душа в одних трусах–плавочках, почти ничего не скрывающих – ни сам член, ни тот факт, что он не такой уж и сонный. А что? Я у себя дома. Люся, увидев это, подняла бровь, но ничего, естественно, не сказала. А я понял, что она поняла. Нырнул под одеяло, стянул трусы и открыто, а точнее, демонстративно вытащил их из–под одеяла и засунул под подушку: – Не обращайтесь внимания, Люся, я всегда так сплю. Если на мне хоть что–то надето, я не высыпаюсь. Как же не обращать внимания–то? Ха–ха! Попробуй тут не обрати! Люся, конечно же, обратила, да еще как! Она сама не заметила, как при виде всего, что я проделываю, она уставилась на то место на моем одеяле, где что–то топорщилось, и провела себя рукой по лбу. Ну–ну! Посмотрим, насколько ты устойчива! – Можно, я свет выключу? – Да, конечно. Не задвигайте шторы, а то в темноте ушибетесь. Свет от уличных фонарей прекрасно освещал комнату, и я всё отлично мог видеть. Из душа Люся вышла в длинной ночной сорочке. Не очень эротично, конечно, зато никаких штанов: терпеть не могу женские пижамы! В узкий проход между ее креслом и моей кроватью я как будто случайно выставил руку. Она задела ее ногой. – Ой, простите! – Это вы извините. Поворочалась, укладываясь, и стихла. Помолчали. – Не спите, Люся? – Нет. – Ну, тогда, может... – Что? Я не ответил. Пусть сама придумывает. А пока что, чтобы легче ей думалось, я опять нечаянно свесил руку с кровати в сторону кресла – примерно до середины прохода. Не иначе, как тоже случайно, Люся тоже выбросила руку в мою сторону. И так уж получилось, совсем не специально, что эти две руки прикоснулись друг к другу. Видимо, во сне, пальцы одной руки стали перебирать пальцы другой... Потом более длинные пальцы чуть–чуть потянули к себе те, которые потоньше и покороче. Вместе с пальцами потянулась и рука, а потом и ее обладательница. Ко мне под одеяло. – Никак не согреюсь. А что, нормальное оправдание! Ну, если холодно, так тут ничего не поделаешь – кто хошь ко мне в постель переберется! Ладно, перебраться–то Люся ко мне перебралась, но так ведь пока что на этом дело и закончилось! То есть, я, конечно, для скорейшего согревания обнимал женщину, забирался руками к ней под ночнушку, мям, тискал, ласкал её большие мягкие груди, теребил соски сначала пальцами, а потом и языком... Я гладил её живот, трогал и гладил её там, где живот переходит сначала в кудрявые заросли, а потом в расщелину между ног... Никакой ответной реакции я не видел. То есть, совсем никакой! А ведь всё это я очень даже хорошо умею! Но Люся просто лежала на спине с ночнушкой, задранный до самого горла, и с раздвинутыми и согнутыми в коленях ногами. И – напряжена как–то непонятно. – Что такое? Что–то не так? – Я не знаю. Я думала, что это у вас что–то не так. Я давно уже... вот... ноги раздвинула. До меня начало доходить: она просто не умеет заниматься сексом! Ей давно за тридцать, она замужем, есть ребенок, а она в этом деле – новичок?! Я прекратил свои бесплодные попытки хоть как–то разбудить в женщине желание, одернул длинную сорочку. – Так... Люся! Ну–ка, давай–ка начистоту: у тебя, кроме твоего Василька, другие мужчины раньше были? – Нет, что вы, никогда! – Так какого ж дьявола ты с кресла сюда пришла? Я не заставлял, не просил, даже не намекал! (Тут я, конечно, немного соврал: чуть–чуть то я намекал, в смысле – провоцировал). – Потому что... Не знаю. Захотелось. – А потом что –

перехотелось? – Нет, не перехотелось. Но вы же ничего не делаете... – ?!! – Ну, я же вон легла как надо... – То есть, у вас с Васильком всегда так: ты легла, он залез, засунул, попрыгал, скатился – и спать?! – А как еще? Тудыт–едрит–гибрит–раскудрит!!! Вот это я влип!

Матюкнулся, я видимо, вслух, потому что Люся вдруг скукожилась и полезла в сторону кресла. – Стоп! погоди. Давай спокойно разберемся. Как я понял, Василек никогда не пытался доставить тебе удовольствия, и ты даже не знаешь, какое оно бывает. Ваше дело, конечно, и меня не касается. Единственное, что я скажу: я бы мог тебе помочь, но вряд ли это получится за один раз. Нужно будет повторение, и не одно. Ты согласна? После паузы, еле слышно: – Согласна. – Хорошо, но учти: если тебе чему–то удастся научиться, Василек сразу это узнает, потому что поведение твое в постели сильно изменится. Не боишься? – Да пошел он! Вы не представляете, как я устала... – Нет! Вот этого не надо – рассказывать мне про вашу семейную жизнь. Пусть она остается за дверями вашей квартиры. – Хорошо. Извините... – Ладно. Так учиться начнем сегодня? Или уже поздно, спать пора? – Давайте начнем сегодня. И начали. Описать всё нелегко было бы. Пожалуй, вообще даже невозможно! Я рассказывал женщине теорию вопроса, демонстрировал на практике, выпытывал ее ощущения от тех или иных моих действий, просил, а иногда и просто заставлял Люсю делать что–то... Наиболее сложным оказалось уговорить ее прикоснуться к члену. С большим трудом, после четвертой или пятой попытки она рискнула потрогать его, и сразу же отдернула руку. В конце концов я кое–как немножко разбудил основные ее эрогенные зоны, о существовании которых она, по моему, даже не подозревала. Не меньше часа моих стараний ушло на то, чтобы Люся начала получать хоть какое–то подобие удовольствия от моих ласк, хоть я изо всех сил старался. Член мой либо совершенно сникал, когда надежда чего–то добиться угасала, то опять поднимал голову, когда, как мне казалось, дело идет на лад. Скажу сразу – до оргазма довести Люсю в этот раз мне, конечно же, не удалось. И все же она убедилась, что мои ласки пальцами ее груди и, особенно, сосков, оказывается, очень ей приятны. До кунилингуса, естественно дело не дошло, и Люсину расщелину и клитор я обрабатывал только пальцами, но и этого оказалось достаточно, чтобы она поняла: секс – это не только раздвинуть ноги и немного потерпеть, но и определенное удовольствие. По–видимому, дело шло часам к двум ночи, и пора было прекращать урок. – Ну что, Люся, немножко приятных ощущений было? – Да! Конечно! – Так теперь и я не против получить кое–что... С этими словами я осторожно уложил женщину на спину, раздвинул ей колени и вошел в хоть и не очень обильно, но все же слегка увлажненную вагину. К моему изумлению, Люся весьма активно начала мне «подмахивать»! Видимо, Василек ее заставлял так делать, но мне было как–то все равно, и я просто эгоистично спешил завершить процесс. Из–за того, что целый час или даже больше я довольно активно общался с голой женщиной, много времени на то, чтобы дойти до финала, мне не потребовалось. Едва не кончив, я на секунду приостановился: – В тебя можно?! – Да... И почти тут же я выплеснул всю радость общения в доверчиво предоставленное в мое распоряжение влагище. Собственно говоря, на этом всё и закончилось. Признаюсь, несколько удивило меня одно обстоятельство: после секса Люся, потянувшись к креслу, по–деловому достала из–под своей подушки заранее заготовленный платочек, аккуратно промокнула им сначала себя между ног, потом легкими касаниями – мой член. Получается, она заранее знала, что должно было произойти, и подготовилась? А я–то изобретал способ спровоцировать ее якобы нечаянно! Раздумывать над этим не хотелось, и я просто какое–то время лежал на спине, а Люся устроилась у меня на плече и уютно сопела. Потом, пожелав

спокойной ночи, перебралась на свое спальное место. Утром мы, не стовариваясь, вели себя так, как будто ничего не было. Конечно, это не очень-то получалось, но каждый из нас исправно отворачивался, когда другой выбирался из-под одеяла или переодевался, и никто ни словом не обмолвился по поводу прошедшей ночи. День прошел вполне обычно для такого рода командировок – в совещаниях и беготне по кабинетам, а наступивший вечер принес еще один сюрприз. Абсолютно спокойно, как о чем-то вполне обыденном, Люся, забравшаяся ко мне под одеяло уже безо всяких ухищрений с моей стороны, спросила: – Иван Егорович, а вы когда-нибудь оральным сексом занимались? – Конечно, а как же!